

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080004622-1

«ШОКИ НИКСОНА» И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ ЯПОНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

© 2019

Д. В. СТРЕЛЬЦОВ

Институт востоковедения РАН
Московский государственный институт международных отношений,
г. Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7177-2831>; dmstrl@gmail.com

Резюме: Внимание автора статьи сфокусировано на изменениях во внешней политике Японии, происшедших в начале 1970-х гг. на фоне радикальных сдвигов в международных отношениях. Изменения были связаны с переходом США к более прагматичной политике в Восточной Азии. После выдвижения американским президентом Ричардом Никсоном так называемой гуамской доктрины Соединенные Штаты предприняли ряд внешнеполитических шагов, вызвавших шоковую реакцию в Японии и ставших причиной осложнений в ее отношениях с США. Среди этих шагов – объявление Р. Никсоном летом 1971 г. о намерении посетить коммунистический Китай с целью восстановления с ним межгосударственных отношений и введения ограничительных мер на импорт японской продукции. В статье делается вывод о том, что ощущение шока было обусловлено полным информационным вакуумом, в котором Япония оказалась в период планирования визита Р. Никсона в Китай. Автор рассматривает внутривнутриполитическую ситуацию в Японии на фоне «шоков Никсона». Основное внимание уделяется борьбе мнений японских политиков по вопросу о восстановлении отношений с КНР, а также попыткам администрации Э. Сато согласовать с китайским руководством условия нормализации двусторонних отношений.

Ключевые слова: «гуамская доктрина», «шоки Никсона», «текстильная война», нормализация японо-китайских отношений, тайваньский вопрос, «многосторонняя дипломатия».

Для цитирования: Стрельцов Д. В. «Шоки Никсона» и их последствия для японской дипломатии. *Восток (Oriens)*. 2019. № 2. С. 158–171. DOI: 10.31857/S086919080004622-1

‘NIXON SHOCKS’ AND THEIR IMPLICATIONS
FOR THE JAPANESE DIPLOMACY

Dmitry V. STRELTsov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7177-2831>; dmstrl@gmail.com

Abstract: The author focuses on the changes in the foreign policy of Japan which occurred against the background of basic transformations in the international relations of early 1970s triggered by the US transition to a more pragmatic policy in East Asia focusing on their own national interests. After the ‘the Guam doctrine’ had been put forward by the US President Richard Nixon, the United States took a number of diplomatic steps that were perceived with the sense of psychological shock in Japan, causing

certain complications in its relations with America. These steps included Nixon's declaration in summer 1971 of his intention to visit communist China and the imposition by Washington of restrictive measures against the import of Japanese products. The paper concludes that the sense of shock was caused by the situation of ultimate information vacuum in which Japan found itself when Nixon was planning his visit to China. The reason for the US failure to inform Japan was their fear of a possible information leak, as well as lack of expertise on Japan in the US political leadership. The paper gives a detailed view of the political situation in Japan against the backdrop of 'Nixon shocks'. The main attention is paid to the domestic struggle on the issue of restoring relations with China, as well as to the attempts of Sato cabinet to informally coordinate with Chinese leadership the conditions of the normalization of bilateral relations. The author insists that the launch of the normalization process was the result of not only of the shift in the US China policy, but of accumulating of a critical mass in the Japan-China relations. In particular, a large volume of bilateral trade had been reached, and there had occurred a qualitative shift in the Japanese public opinion in favour of restoring diplomatic relations with the PRC. The article reviews in detail the results of Prime Minister Tanaka's visit to Beijing in September 1972, highlighting the Taiwan issue as a problem particularly painful for Japan. The author insists that in the final documents of the visit Japan managed to defend its position not to recognize Taiwan as an integral part of China. In future, Japan sought from America guarantees of protecting Taiwan from China's attempts to settle the problem of reunification with Taiwan using military force. The article concludes that after the 'Nixon shocks' the Japanese diplomacy entered a new historical stage. Japan launched the 'omnidirectional diplomacy' – the policy of active development of relations with different countries and regions, based on Tokyo's understanding of its own national interests that do not necessarily coincide with the interests of Washington. An important role was played by the psychological factor – the 'Nixon shocks' gave Tokyo a moral right not to inquire Washington on every occasion and pushed Japan to pursue a more independent course. However, the political alliance with America still retained its significance for Japan as the cornerstone of its foreign policy.

Keywords: the Guam doctrine, 'Nixon shocks', 'textile war', normalization of Japanese-Chinese relations, Taiwan issue, 'omnidirectional diplomacy'.

For citation: Streltsov D. V. 'Nixon shocks' and their implications for the Japanese diplomacy. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 2. Pp. 158–171. DOI: 10.31857/S086919080004622-1

В конце 1960-х гг. японская внешняя политика вступила в крайне сложный и противоречивый период, связанный с переоценкой роли и места страны в системе международных отношений. Япония оказалась вынужденной адаптироваться к фундаментальным изменениям в мировой политике, связанным с относительным ослаблением военно-политической мощи их основного военно-политического союзника – США, а также с переходом Соединенных Штатов к более прагматичной политике, основанной на приоритете собственных национальных интересов.

Впервые президент США Ричард Никсон объявил о новой внешнеполитической инициативе в июле 1969 г. на пресс-конференции в Гуаме, получившей известность как «гуамская доктрина» («доктрина Никсона»). Эта инициатива была прежде всего связана с необходимостью достойно, не теряя лица, выйти из вьетнамской войны. Говоря о роли США в Азии, Никсон заявил, что страна продолжит придерживаться своих договорных обязательств, но вправе ожидать, что «азиатские народы сами будут во все большей степени брать ответственность за решение проблем обороны» [*The History of US-Japan Relations*, 2008, p. 171–172]. В своем обращении к нации в ноябре 1969 г. Никсон более детально охарактеризовал новую доктрину, сформулировав три основных принципа:

1. Соединенные Штаты будут выполнять все свои обязательства по уже заключенным ими договорам.
2. США предоставят ядерный щит своим союзникам, а также тем странам, существование которых они рассматривают в качестве жизненно важного для своей безопасности, если какая-либо ядерная держава будет угрожать их свободе.

3. В случаях, связанных с вторжением и применением обычного оружия, США будут предоставлять военную и экономическую помощь после поступления запроса, соответствующего взятым ими на себя договорным обязательствам. Но США считают, что нации, которые подверглись прямой угрозе, должны взять на себя основную ответственность за обеспечение своей обороны с помощью собственных людских ресурсов [Ibid., p. 172; Вербицкий, 1972, с. 249].

В своем первом ежегодном докладе конгрессу по вопросам внешней политики, который стал достоянием гласности 18 февраля 1970 г., Никсон заявил, что американская дипломатия должна в долгосрочном плане быть основана на «реальной оценке наших и чужих интересов» и «признании того, что интересы Соединенных Штатов должны формировать их обязательства, а не наоборот» [*The History of US-Japan Relations*, 2008, p. 172]. Таким образом, новый подход заключался в примате собственных национальных интересов и опоре на принципы Realpolitik в международных отношениях, главным из которых был учет реального баланса сил.

«Доктрина Никсона» была воспринята многими ее сторонниками как начало конца биполярного мира и как форма адаптации американской дипломатии к формирующемуся многополярному миропорядку. Следует обратить особое внимание на определение Генри Киссинджером системы миропорядка в современном мире как «сочетания политической многополярности с военной биполярностью» [The 'Nixon shock', 1973, p. 18]. Речь шла о том, что США следует проявлять большую гибкость в своей внешнеполитической стратегии, чем это было бы при жесткой биполярности. В многополярном мире, контуры которого стали высвечиваться после ухода США из Вьетнама и установления государственных отношений с коммунистическим Китаем, наметилась тенденция к ослаблению жесткости внешней политики государств, основанной на их принадлежности к одному из двух лагерей, противостоявших друг другу в военном отношении.

Япония была наиболее важным клиентом «доктрины Никсона». Когда Никсон пришел к власти в 1968 г., Япония представлялась руководству США как страна, «пожинающая плоды» своего привилегированного положения приоритетного партнера США в системах военной безопасности и свободной торговли. В Соединенных Штатах даже получила распространение теория о «безбилетной езде» Японии на американском автобусе [*The History of US-Japan Relations*, 2008, p. 174]. Особое значение имело то, что Япония существенно выигрывала от торговых отношений с Америкой: с 1965 г. баланс двусторонней торговли стал складываться в пользу Японии, причем японский экспорт в США с каждым годом становился все более сложным в номенклатурном и техническом отношениях.

В 1969 г. Япония, обогнав Западную Германию, стала второй державой мира по уровню ВВП. Основываясь на своих экономических успехах, она начала движение к обретению статуса мировой политической державы, имеющей право голоса при решении не только экономических, но и политических вопросов глобального уровня. В своем выступлении в пресс-клубе в Вашингтоне 22 ноября 1969 г. премьер-министр Японии Эйсаку Сато заявил, что после возвращения Окинавы Японии эпоха послевоенного урегулирования завершилась и что Япония и США переходят от стадии «закрытых отношений», ограниченных вопросами двусторонней повестки дня, к стадии «открытых отношений», которые предусматривают участие Японии наряду с США в разрешении крупных международных проблем [Вербицкий, 1972, с. 270].

9–11 июля 1971 г. советник Никсона по национальной безопасности Г. Киссинджер совершил секретную поездку в Китай. 15 июля 1971 г., после его возвращения в США, американский президент выступил по телевидению и заявил о своем намерении посетить Китай в следующем году. Это выступление имело долгосрочные последствия, став предвестником качественных изменений в отношениях между Соединенными Штатами

и Японией. Вызванная выступлением Никсона шоковая реакция в Японии получила широкую известность как первый «шок Никсона».

Для Японии китайский вопрос имел ключевое значение при расстановке внешнеполитических приоритетов. С момента подписания в 1952 г. японо-тайваньского договора о мире и безопасности Токио, придерживаясь намеченного Вашингтоном направления, проводил курс на признание Тайваня как единственного законного представителя китайского народа и на отказ от любых официальных отношений с Пекином. Хотя этот курс не пользовался популярностью внутри страны, кабинеты правящей Либерально-демократической партии (ЛДП), исходя из того, что ничто не должно ставить под удар отношения Японии с Соединенными Штатами, проводили политику бездействия в отношении Китая. На этом фоне новость о предстоящем визите американского президента в Пекин стала для Токио «громом среди ясного неба».

Ощущение «шока» не было связано с самим фактом предстоявшего визита Никсона. В Токио хорошо понимали, что отношения с материковым Китаем будут рано или поздно восстановлены как Америкой, так и самой Японией. Нормализация отношений с Пекином была для Токио предсказуемой не только в контексте предполагавшихся изменений во внешнеполитическом дискурсе США, но и по той причине, что в японо-китайских отношениях к тому времени уже была накоплена критическая масса.

В 1960-е гг. Япония получала большие преимущества от хороших экономических отношений с коммунистическим Китаем. Объем двусторонней торговли, развивавшейся на базе подписанного в ноябре 1962 г. «соглашения Ляо–Такасаки», к 1971 г. достиг 900 млн долл. США [The 'Nixon shock', 1973, p. 2]. Японское правительство открыто заявляло о своей готовности к установлению официальных контактов с Китаем через дипломатическое посредничество третьих стран: такие контакты, по мнению Токио, помогли бы ослабить напряженность на Дальнем Востоке. В этом смысле разрядка в американо-китайских отношениях, по логике вещей, должна была бы приветствоваться Токио.

Почему же в оборот прочно вошел тезис о «шоке»? Видимо, потрясение было связано с тем, что президент планировал свой визит в Китай в обстановке полной секретности. В нарушение положений Договора о безопасности, касавшихся взаимных консультаций по ключевым вопросам внешней политики, американское руководство не поставило своего ключевого союзника в известность о намечавшемся визите. Между тем японское руководство рассчитывало на то, что США хотя бы проинформируют японскую сторону о своих планах в случае качественного изменения политики по отношению к Китаю. Например, когда премьер-министр Э. Сато встречался с президентом Р. Никсоном в Вашингтоне в ноябре 1969 г., они договорились, что правительства двух стран будут поддерживать тесный контакт по вопросам, касавшимся мира и безопасности на Дальнем Востоке. Очевидно, Э. Сато в тот момент был уже сильно озабочен возможным поворотом американской китайской политики.

На самом деле Э. Сато получил информацию об инициативе Никсона лишь за несколько минут до его публичного выступления по телевидению. Никаких сведений японское правительство не имело и относительно только что состоявшегося визита Киссинджера в Китай. Единственным источником информации для Токио стала запись брифинга Киссинджера для прессы, который был представлен Токио «на конфиденциальной основе» [ibid.]. Обстановка секретности была такова, что о предстоявших переговорах в Пекине ничего не знали даже высокопоставленные чиновники вашингтонской администрации. Например, до выступления американского президента по телевидению никто в Госдепартаменте США, за исключением госсекретаря Уильяма Роджерса, не был поставлен в известность о намечавшемся визите Никсона, а самому Роджерсу было приказано держать язык за зубами [Ноеу, 2015, p. 147].

Примечательно, что даже после поездки Никсона в Китай в феврале 1972 г., когда в Токио был направлен помощник госсекретаря США по дальневосточным делам Маршалл Грин, американскому эмиссару было дано указание не выходить за пределы американо-китайского коммюнике при раскрытии японцам содержания переговоров в Пекине [The 'Nixon shock', 1973, p. 2].

Обстановка секретности продемонстрировала дефицит доверия США к Японии, что, в свою очередь, возбудило в Токио подозрения относительно истинных намерений заокеанского союзника. Японские дипломаты тем не менее заранее подозревали, что сценарий, подобный случившемуся, может состояться. Об этом, в частности, неоднократно говорил посол Японии в США Коитиро Асакаи. Когда в Вашингтон приехал новый посол Н. Усиба, ему вскоре пришлось констатировать, что «ночной кошмар Асакаи стал реальностью» [Ноеу, 2015, p. 147].

Объявление Никсона о визите в Китай вызвало в Японии шквал критики в адрес Эйсаку Сато со стороны оппозиционных партий, СМИ и даже из рядов правящей Либерально-демократической партии. Редакционная статья в леволиберальной газете «Асахи симбун» в номере за 17 июля 1971 г. содержала высокую оценку Никсона за его смелую политику и критиковала Сато, констатируя тот факт, что его американская и антикитайская политика, по сути, обанкротилась, так как было ясно, что США и Китай начали строить новые отношения, в то время как Япония оказалась на обочине этого процесса [Асахи симбун, 1971].

С чем было связано такое «поведение» руководства никсоновской администрации? Существует версия о том, что Никсон и Киссинджер таким образом хотели наказать Сато за его неспособность выполнить обещание ограничить экспорт японской текстильной продукции в США. Авторы биографии Генри Киссинджера братья Марвин и Бернард Калб предположили, что Никсон наслаждался идеей, что Токио будет в шоке [Ноеу, 2015, p. 148], т.е., по сути, руководствовался мелочными мотивами личного мщения за нанесенную ему ранее обиду.

Однако более реалистичной представляется менее конспирологическая и более прозаичная версия о том, что Никсон и его ближайшие советники опасались возможной утечки информации об их инициативе и делали все возможное, чтобы ограничить такую возможность. Это подтверждается тем, что в своих мемуарах как Р. Никсон, так и Г. Киссинджер делали упор на фактор секретности как на главную причину неинформирования Японии. Никсон опасался, что, если бы японскую сторону поставили в известность, например, за 24 часа до обнародования инициативы, Э. Сато мог бы созвать кабинет, и это увеличило бы риск утечки информации. Возможно, свою роль в мотивации Никсона сыграли и уже имевшиеся прецеденты. Например, некоторые детали японо-американских консультаций по вопросу о представительстве Китая в ООН, проведенные в мае 1971 г., были обнародованы СМИ, что вызвало серьезное недовольство Госдепартамента США [ibid., p. 150].

Кроме того, большое значение имел тот факт, что в Совете национальной безопасности США, который был на тот момент главным органом принятия внешнеполитических решений, не хватало специалистов по Японии и потому отсутствовала оценка того эффекта, который могла произвести резкая перемена политики по отношению к Китаю без каких-либо консультаций с ключевым союзником в Азии. Ошибочные оценки в отношении Японии, включая недооценку ее экономических интересов, были свойственны и высшему американскому руководству, в том числе Р. Никсону и Г. Киссинджеру [Мага, 1998, p. 190]. Таким образом, «шок Никсона» явился свидетельством его плохой информированности о японских делах, а также недостаточной готовности американской администрации в должной мере учитывать специфические интересы Токио.

Ровно через месяц после первого «шока Никсона» последовал второй. 15 августа 1971 г. (по несчастливому для Японии совпадению, в черную для нее дату – в годовщину объявления японским императором поражения во Второй мировой войне) Никсон объявил о введении новой экономической политики, суть которой заключалась в принятии серии протекционистских мер, включавших ряд ограничений на импорт японской продукции. Важнейшими из инициатив Никсона стали введение 10%-ного налога на все импортные продукты и временная приостановка конвертируемости доллара в золото. Выступая в Далласе перед ветеранами Тихоокеанской войны, Никсон заявил, что угроза со стороны Японии была даже более серьезной, чем в «мрачные дни» Пирл-Харбора. Инициативированные Никсоном меры стали причиной потрясений мировой экономики и началом конца Бреттон-Вудской системы фиксированных обменных курсов, которая позже была заменена системой плавающих валютных курсов. При этом наиболее болезненный удар пришелся именно по Японии, так как она являлась на тот момент крупнейшим экспортером в США и накопила самые крупные долларовые резервы [Гриванов, 2011, с. 189].

Следует отметить, что еще в период своей предвыборной кампании Р. Никсон выступил с обещанием ввести импортные квоты на японскую текстильную продукцию, и это впоследствии стало причиной «текстильной войны» с Японией. Для Никсона поддержка американского Юга, где японский экспорт подрывал местную легкую промышленность, была делом принципа в борьбе за президентское кресло. После прихода к власти администрация Никсона подходила к «текстильному вопросу» как к своего рода джентльменскому соглашению: предполагалось, что Япония возьмет на себя добровольные ограничения на экспорт в США текстиля в обмен на передачу ей административных прав на Окинаву. Эти ограничения были согласованы в ходе консультаций специального посланника К. Вакаидзуми и Г. Киссинджера и подтверждены Э. Сато в ходе встречи на высшем уровне в 1969 г. Однако в реальности японский премьер-министр медлил с реализацией взятых на себя обещаний, что, в свою очередь, привело к «утрате доверия» к Сато со стороны Никсона и явилось одной из причин второго «шока Никсона» [*The History of US-Japan Relations*, 2008, p. 168].

Можно согласиться с российским исследователем А. И. Уткиным, что отставка кабинета Э. Сато символизировала поворот Японии к проведению более независимой от США внешнеполитической линии [Уткин, 1990, с. 153]. К числу радикальных следствий в японской дипломатии, ставших немедленным следствием «шоков Никсона», можно отнести резкое изменение японской политики по отношению к материковому Китаю.

До лета 1971 г. политика японского правительства в отношении КНР оставалась неизменно пассивной. Основные внешнеполитические задачи, стоявшие перед Японией, были связаны с возвращением Окинавы, развитием отношений с Южной Кореей, нормализованных в 1965 г., а также с решением торгового конфликта с США вокруг экспорта текстиля. Когда Никсон заявил летом 1971 г. о предстоящем визите в Китай, японский премьер-министр Э. Сато, находившийся в зените славы в связи с успехами в деле возвращения Окинавы под административный контроль правительства, предпочел не высказывать какой-либо критики в адрес своего союзника. Будучи в тот момент «хромой уткой» (Сато ранее заявил об отказе баллотироваться на новый срок на выборах председателя ЛДП [Ноеу, 2015, p. 150]), он не имел ни желания, ни времени, чтобы инициировать переориентацию политики Японии на КНР.

Вместе с тем следует констатировать, что именно в период правления Э. Сато были заложены основы поворота Токио к признанию коммунистического Китая. 22 января 1971 г., т.е. еще до начала «пинг-понговой дипломатии» и визита Г. Киссинджера в КНР, Э. Сато высказался в парламенте в том смысле, что нормализация китайско-японских отношений стоит в политической повестке дня. Тогда же он впервые использовал офици-

альное название материкового Китая – Китайская Народная Республика. Подобная «примирительная» риторика применялась японским премьер-министром на протяжении всего 1971 г., что дало Китаю повод прекратить в январе 1972 г. кампанию против «возрождавшегося японского милитаризма» [Johnson, 1986, p. 412].

В июне 1971 г. китайская сторона, принимая в Пекине японскую делегацию оппозиционной партии Комэйто, высказала условия, при которых нормализация отношений между двумя странами могла бы стать возможной: 1) Япония признает КНР как единственного легитимного представителя китайского народа; 2) тайваньский вопрос будет рассматриваться как внутреннее дело Китая; 3) мирный договор между Японией и Тайванем будет признан незаконным и утратит свою силу [Nakanishi, 2011, p. 116]. Эти условия получили широкую известность как «три принципа восстановления японо-китайских отношений».

Внутриполитическая обстановка в Японии к тому моменту была благоприятной для нормализации отношений с КНР, несмотря на наличие серьезных протайваньских группировок в рядах правящей ЛДП. Традиционно пропекински настроены были практически все оппозиционные ЛДП партии, включая Социалистическую партию Японии (СПЯ), Коммунистическую партию Японии (КПЯ), Партию демократического социализма (ПДС) и Комэйто. После 1969 г. приверженность курсу на развитие отношений с материковым Китаем стали высказывать лидеры крупного бизнеса, составлявшие основу поддержки ЛДП. Предчувствуя скорое восстановление американо-китайских отношений, японское бизнес-сообщество стало нервничать в связи с риском проиграть в конкуренции американцам, которые начали выстраивать свою торговую стратегию на японском «заднем дворе».

В этот же период произошли существенные подвижки и в общественном мнении Страны восходящего солнца. В японских СМИ стала активно циркулировать точка зрения о том, что Японии следует как можно быстрее нормализовать отношения с коммунистическим Китаем, основываясь на соображениях культурно-цивилизационной близости, экономических интересах, а также интересах страны в области безопасности. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что КНР не вызывала отторжения на низовом уровне: воинственный антикоммунизм не пользовался большой поддержкой в обществе. Интерес к Китаю проявился в таком специфическом явлении, как «пандамания», когда особи панды были привезены в Японию из пекинского зоопарка. Характерным было изменение настроений и на уровне местной власти: между июнем и октябрём 1971 г. все 46 префектуральных законодательных собраний приняли резолюции, призывавшие к установлению дипломатических отношений с КНР в полном объеме [Ноеу, 2015, p. 155].

Для разработки новой политики в отношении Китая Э. Сато одобрил создание специальной исследовательской группы по международным отношениям (*kokusai kankei kondankai*) во главе с проф. Минэо Накадзимой [ibid.]. Совместно с личным секретарем Сато Минору Кусудой он подготовил проект письма премьеру Госсовета КНР Чжоу Эньлаю, в котором указывалось о возможности признания Японией КНР в качестве единственного законного правительства Китая [Johnson, 1986, p. 412].

Письмо было подписано тогдашним генеральным секретарем ЛДП Сигэру Хори и доставлено в Китай «прогрессивным» мэром Токио Рёкити Минобэ, которого японские журналисты метко окрестили «Минобэдзя», по аналогии с «Киссиндзя», – именно так по-японски звучит имя автора челночной дипломатии Генри Киссинджера [ibid.]. В сентябре 1971 г. Минобэ посетил Пекин и вручил послание Чжоу Эньлаю. Однако Чжоу отверг инициативу Хори, заявив, что китайская сторона не воспримет Э. Сато как партнера по переговорам, даже если он публично признает три вышеуказанных принципа. Позиция Чжоу была связана с тем, что в письме Хори допускалось неприемлемое для Пекина признание одновременного существования двух Китаев. Исползованную в письме фор-

мулировку «правительство, признанное китайским народом», Чжоу Эньлай расценил как свидетельство того, что Токио признает два Китая, так как и признающие правительство Гоминьдана жители Тайваня также являются китайцами [Кунадзе, 1983, с. 14]. К тому же письмо было направлено вскоре после голосования на Генеральной ассамблее ООН по китайскому вопросу, в ходе которого большинством голосов был отвергнут проект резолюции США и Японии, предлагавший участие в ООН обоих китайских государств. Этот проект был неприемлем для Пекина, который, закрыв глаза на его американское авторство, свое негодование направил против Японии.

Чжоу понимал, что Сато в тот момент уже был «хромой уткой» и что любой следующий японский премьер-министр окажется «благодарным» Пекину, получив огромные внутриполитические дивиденды и оставив свое имя в истории как политический лидер, восстановивший отношения с Китаем. В этом смысле премьер Госсовета КНР, умело играя на ослаблении позиций Сато в собственной партии, напрямую «вторгся» в японскую внутреннюю политику.

Летом 1972 г. вопрос о нормализации отношений с КНР оказался в центре внутриполитического дискурса, став главной темой дебатов между кандидатами на выборах председателя ЛДП. Все кандидаты из числа лидеров партийных фракций – К. Танака, Т. Фукуда, Т. Мики и М. Охира – использовали эту тему для повышения шансов на победу. В результате внутрипартийных маневров между М. Охирой, Т. Мики и К. Танакой была достигнута договоренность относительно восстановления отношений с Пекином [*The History of US-Japan Relations*, 2008, p. 177].

После победы на партийных выборах и избрания в июле 1972 г. на пост премьер-министра Какуэй Танака на первой же пресс-конференции заявил о намерении ускорить работу по восстановлению дипломатических связей с Китаем. Через два дня после этого Чжоу Эньлай выступил со специальным заявлением, в котором приветствовал высказывания Танаки [ibid.].

Примечательно, что в правящей партии имелись и пропекинские, и протайбэйские группы давления. Сам же Танака, как и министр иностранных дел в его кабинете Масаёси Охира, не принадлежал к какой-либо фракции внутри ЛДП, имевшей какие-либо явные предпочтения по китайскому вопросу. Будучи представителем группировки, унаследовавшей проамериканские и антикоммунистические взгляды школы Ёсиды, Танака тем не менее не имел определенных взглядов в отношении целей и задач японской политики на китайском направлении. Применив в своей предвыборной кампании (в ходе выборов на пост председателя ЛДП) лозунг «не опоздай на пароход в Китай», Танака, скорее, занял гибкую позицию, попытавшись использовать китайский вопрос в тактических целях, подобно тому как это делали лидеры других внутрипартийных фракций ЛДП, включая Т. Мики и Т. Фукуду [Johnson, 1986, p. 413].

К. Танака не был и не мог стать инициатором нормализации отношений с Китаем: когда он пришел к власти, вопрос о признании Японией КНР уже был предreshen в силу признания Э. Сато принципа «одного Китая», а также ввиду того, что к этому времени Р. Никсон уже совершил свою историческую поездку в Шанхай, и Японии ничего не оставалось делать, кроме как следовать по пути, проторенному американцами. Поэтому было бы некорректно, в противоположность сложившимся стереотипам, называть К. Танаку «инициатором» восстановления японо-китайских отношений – он лишь закрепил то, что было достигнуто ранее.

Танака руководствовался в своих действиях по отношению к КНР несколькими соображениями. Прежде всего, вполне объяснимым раздражением, которое испытывали не только он, но и тогдашнее японское руководство по поводу позиции США, опередивших Японию в «открытии» Китая. Естественным в этой связи представляется желание Токио достичь того же уровня в японо-китайских отношениях, которого добился Вашингтон в

результате визита Р. Никсона, и, более того, опередить США в установлении дипломатических отношений с Пекином.

Другим мотивом К. Танаки было использование его визита в Китай для укрепления позиций внутри страны. Следует по достоинству оценить политические дивиденды, полученные К. Танакой в результате его исторической поездки в Пекин. На фоне начавшейся в Японии «китайской лихорадки» премьер-министр добился роста своей популярности и повышения рейтинга правительства, что обеспечило ему необходимый кредит доверия для реализации амбициозных экономических планов, в том числе Плана реконструкции Японского архипелага.

В сентябре 1972 г. К. Танака нанес официальный визит в Китай. Помимо восстановления межгосударственных отношений ему предстояло урегулировать наиболее сложные проблемы двусторонних отношений, в том числе вопрос о компенсациях за агрессивную политику Японии в годы Второй мировой войны, тайваньский вопрос, пограничный вопрос и др.

На состоявшихся 25–29 сентября в Пекине переговорах обе стороны проявили готовность пойти на компромисс во имя достижения соглашения по вопросу о нормализации отношений. 29 сентября Чжоу Эньлаем и К. Танакой было подписано и обнародовано Совместное заявление («Совместное коммюнике правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики» [Joint Communique, 1972]), в котором японская сторона заявила об осознании своей ответственности за огромный ущерб, который Япония причинила китайскому народу, и выразила чувство глубокого самоосуждения. Стороны заявили о восстановлении межгосударственных отношений. Япония признала правительство КНР единственным законным правительством Китая (ст. 2) и выразила «полное понимание и уважение» заявления КНР о том, что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая (ст. 3). Правительство Японии объявило о прекращении действия японо-тайваньского договора 1952 г. КНР отказалась от репарационных претензий за ущерб, нанесенный Китаю японской агрессией в годы войны [Марков, 1979, с. 201].

В Заявлении отмечалось, что отношения между двумя странами будут строиться на принципах мирного сосуществования, что все споры будут разрешаться мирным путем без применения силы или угрозы силой. Стороны согласились провести переговоры с целью заключения договора о мире и дружбе, соглашений о торговле, мореплавании и др. В ст. 7 Заявления отмечалось, что ни Япония, ни КНР не будут добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана и что обе стороны выступают против попыток какой-либо другой страны или группы стран установить такую гегемонию. Нормализация отношений между Японией и Китаем, указывалось в Заявлении, не направлена против третьих стран.

Следует отметить, что, хотя Япония признала КНР единственным законным правительством Китая и согласилась с «тремя принципами» урегулирования двусторонних отношений, в реальности в коммюнике был отражен лишь первый принцип, касавшийся признания правительства КНР в качестве единственного законного представителя Китая. Второй принцип (Тайвань является неотъемлемой частью Китая), хотя и упомянутый в коммюнике (ст. 3), не был принят японским правительством, которое предпочло зафиксировать лишь свое «понимание» и «уважение» позиции КНР. Более детально отношение Японии к тайваньскому вопросу было изложено министром иностранных дел М. Охирой: «Отказавшись от Тайваня по Сан-Францисскому мирному договору, наша страна не вправе самостоятельно высказываться по поводу юридического статуса Тайваня» [Кунадзе, 1983, с. 42].

Что касается третьего принципа – о незаконности японо-тайваньского мирного договора 1952 г., то в коммюнике он даже не упоминался. Япония продолжала считать, что вопрос о прекращении состояния войны с Китаем был решен двадцать лет назад при заключении мирного договора с Тайванем. Китай же довольствовался согласием Японии

разорвать дипломатические отношения с Тайванем. На устроенной сразу после подписания совместного Заявления пресс-конференции М. Охира отметил, что японо-тайваньский мирный договор 1952 г. утрачивает свою силу в связи с установлением Японией дипломатических отношений с КНР [Cheng, 2015, p. 214; *Joint Communique...*, 1972, p. 43].

Таким образом, Токио удалось сохранить в отношении Тайбэя свою «особую» позицию, не поддавшись давлению со стороны Пекина. Япония в дальнейшем проявила большую заинтересованность в том, чтобы Тайвань был защищен от стремления КНР решить тайваньский вопрос военными способами и чтобы остров остался в зоне действия японо-американского договора о безопасности. 30 сентября К. Танака заявил перед своими однопартийцами, что пункт о включении острова в сферу действия договора в соответствии с коммюнике Никсона–Сато от 22 ноября 1969 г. остается в силе [Марков, 1979, с. 202]. Япония полагала, что Соединенные Штаты будут гарантом безопасности Тайваня, а американско-тайваньские отношения в сфере безопасности (в той части, которая касалась сохранения обязательств США в отношении Тайваня) останутся залогом стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и важны для безопасности Японии. Именно поэтому японские представители позже выступили против использования Вашингтоном так называемой японской формулы при установлении США дипломатических отношений с Китаем. Например, министр иностранных дел К. Миядзава высказался в беседе с американским сенатором М. Мэнсфилдом во время визита последнего в Японию 9–16 июля 1976 г. в том смысле, что урегулирование американско-китайских разногласий за счет уступок США в отношении американско-тайваньского договора о «взаимной обороне» является нежелательным [Мазуров, 1980, с. 139].

Особое место в коммюнике занимала ст. 7, касавшаяся вопроса «гегемонии» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В действительности нормализацию отношений с Японией в Пекине в то время уже рассматривали как шаг к формированию единого фронта борьбы против «двух сверхдержав», прежде всего против СССР. Однако этот пункт тогда не привлек особого внимания японской стороны, которая не была заинтересована в создании дополнительного очага конфронтации с СССР, кроме проблемы «северных территорий». К. Танака не высказал своих возражений против данной статьи еще и потому, что сходная формулировка содержалась в китайско-американском Шанхайском коммюнике. В МИД Японии решили рассматривать данную формулировку просто как общую декларацию [Johnson, 1986, p. 410].

Как можно оценить итоги нормализации японо-китайских отношений? Могла ли Япония добиться подписания итоговых документов на более выгодных условиях, если учесть острую потребность Китая открыть себя для Запада? Некоторые исследователи высказывали точку зрения, что Япония не проводила последовательной линии в отношениях с Пекином и что нормализация двусторонних отношений происходила «на китайских условиях»: якобы К. Танака действовал поспешно, изъяв права на решение китайского вопроса у группы М. Накадзимы и передав его в Министерство иностранных дел, которое было расколото на две фракции – прокитайскую и проамериканскую. К тому же и ЛДП оставалась разделенной на фракции Танаки и Фукуды, что заставляло Танаку действовать с оглядкой на внутрипартийную ситуацию [ibid., p. 411].

Однако по принципиальному для себя тайваньскому вопросу японская сторона смогла противостоять китайскому давлению и отстоять свою позицию, отказавшись признать принцип «неотъемлемости» Тайваня от Китая. В дальнейшем Япония, как указывалось выше, обусловила свою линию на нормализацию отношений с Пекином сохранением особых отношений Вашингтона и Тайбэя в области безопасности. Поэтому говорить о какой-либо «сдаче» Токио своих позиций на китайских условиях, как представляется, нет оснований.

Восстановление межгосударственных отношений с Китаем дало мощный толчок развитию двусторонних связей во всех областях. Для Японии наиболее важной была сфера торговли. В течение первого же года после визита японского премьер-министра в Китай Япония отправила в КНР 28 экономических и торговых миссий, а Китай – почти 30 делегаций в Японию. Токио принял решение о выдаче через Экспортно-импортный банк доступных кредитов для ведения торговых операций. В результате, по данным Министерства финансов, товарооборот между двумя странами в 1973 г. увеличился на 83% по сравнению с предыдущим годом [Puthenveetil, 1979, p. 539]. Торговые отношения, ранее развивавшиеся крайне нестабильно, через так называемые дружественные Китаю японские торговые фирмы, теперь были поставлены на более прочную основу в виде правительственных гарантий.

Росту торговли способствовал взаимодополняемый характер экономик Китая и Японии. Торговые отношения с Японией позволили Китаю получать жизненно важную продукцию (химические продукты, сталь, станки и оборудование) для проведения масштабной индустриализации, Япония же обрела новый канал поставок сырья, топлива, потребительских и продовольственных товаров. К тому же установление политических отношений, сопровождавшееся отказом китайской стороны от претензий в связи агрессивной политикой Японии во время Второй мировой войны, было воспринято в Токио с чувством большого удовлетворения, во многом из-за присутствовавшего в Японии на уровне массового сознания чувства вины и раскаяния за прошлые грехи.

Для Китая особое значение в отношениях с Японией приобрел политический мотив – желание присоединить Токио к антисоветскому фронту. Пекин даже пошел на фактическое признание особой позиции Японии по тайваньскому вопросу. В сентябре 1974 г. Токио и Пекин договорились провести переговоры о возможном заключении договора о мире и дружбе. К немалому удивлению японской стороны, предварительное обсуждение показало, что Китай не намерен поднимать на переговорах тайваньский вопрос. Выяснилось, что более важным для Китая был «антигегемонизм» – солидарность в противостоянии «гегемонии» в Азии третьих стран [Johnson, 1986, p. 414]. Явно антисоветский характер предложенной Пекином формулировки был очевиден для Токио, однако логика приоритетного развития отношений с Китаем заставила японских переговорщиков «проглотить эту пилюлю»: пункт о противостоянии «гегемонизму» был включен в ст. 8 Японо-китайского договора о мире и дружбе 1978 г. Подписав договор, Япония сознательно пошла на ухудшение отношений с Москвой, будучи косвенно втянутой в китайско-советский конфликт на стороне Пекина.

«Шоки Никсона», конечно, не привели и не могли привести к каким-либо качественным изменениям в стратегических отношениях между Токио и Вашингтоном и уж тем более к отказу Токио от стратегической опоры на США в военной и внешнеполитической сферах. Действительно, после «шоков Никсона» в политике Японии и США на китайском направлении наметилось некоторое расхождение: если Токио немедленно прервал все официальные связи с Тайванем, то Вашингтон сохранял с ним дипломатические отношения еще 7 лет, а в области обороны и позже придерживался своих договорных обязательств. В связи с этим японский исследователь М. Осаму сделал вывод о том, что «шоки Никсона» посеяли семена раздора между союзниками [Osamu, 1972, p. 16]. Однако нельзя не признать, что японо-американский Договор о безопасности оставался основой японской внешней политики и после 1972 г. С 31 июля по 1 августа 1972 г., т.е. за месяц до визита в Пекин, премьер-министр К. Танака принял участие в японо-американском саммите в Гонолулу, где было подтверждено, что нормализация отношений между Японией и Китаем не приведет ни к каким корректировкам в японо-американском Договоре о безопасности [The History of US-Japan Relations, 2008, p. 177].

Не произошло и немедленной трансформации в отношениях союзников в военной области в направлении большего «равноправия». Япония не стала предпринимать существенных шагов для укрепления своего военного потенциала и тем более превращения в крупную военную державу, полностью ответственную за свою оборону. Следует отметить, что еще до «шоков Никсона» в Токио усилились настроения в пользу «равенства» ролей Японии и США, наиболее известным выразителем которых стал Ясухиро Накасонэ, занимавший в кабинете Сато в 1970–1971 гг. пост директора Управления национальной обороны. Накасонэ выдвинул идею «автономной обороны», в соответствии с которой Япония в случае необходимости должна была защищаться в одиночку, а потому ей следовало бы обрести значительный оборонный и даже ядерный потенциал. Однако в конечном счете эта идея так и не материализовалась, а сам Накасонэ был смещен со своего поста [Ноеу, 2012, р. 74]. Во внешнеполитической сфере на первый план стали все более выходить вопросы экономической безопасности, тогда как проблема обороны стала иметь меньшее значение в связи с исчезновением «угрозы» со стороны Китая, который наряду с СССР ранее считался ее главным источником.

Все японские кабинеты министров, начиная с администрации К. Танаки, на протяжении 1970-х гг. проводили курс на осторожное повышение роли японских сил самообороны в рамках более «равноправного» партнерства с США в деле защиты японской территории в случае нападения извне. Логическим завершением этой политики стало принятие в мае 1978 г. «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в сфере обороны» – первого двустороннего документа, определявшего основы оперативно-тактического взаимодействия вооруженных сил двух стран в деле защиты японского суверенитета. Одновременно в отношениях с Соединенными Штатами был взят курс на укрепление взаимодействия и сближение позиций по широкому кругу экономических и политических вопросов. Не случайно уже в «Новой тихоокеанской доктрине», выдвинутой 7 декабря 1975 г. президентом США Дж. Фордом в Гонолулу, партнерство с Японией было обозначено в качестве «одной из опор стратегии» США [Лешке, 1983, с. 143]. К концу 1970-х гг. оформился курс на координацию политики США и Японии в отношении КНР, что было отражено, в частности, в совместном американско-японском коммюнике 1979 г., в котором говорилось о проведении такой политики «в согласии друг с другом» [Алиев, 1986, с. 237]. Таким образом, некоторое охлаждение в японо-американских отношениях, выражением которого явились «шоки Никсона», не имело долгосрочных последствий для военно-политического союза двух стран, постепенно приобретавшего характер полноценного военного альянса.

Следствием «шоков Никсона» стал переход Японии к «многосторонней дипломатии» – политике активного развития отношений с различными странами и регионами мира, в центре которой оказались прагматические интересы самой Японии, не обязательно совпадавшие с интересами США. Были сделаны энергичные шаги к ослаблению зависимости японской экономики от американского рынка, прежде всего за счет приоритетного развития экономических связей с Западной Европой и странами социалистического блока [Маки, 1973, р. 678]. Как отмечал советский исследователь Д. В. Петров, «шок Никсона... как бы развязал руки правящим кругам Японии, дав моральное право не оглядываться по всякому поводу на мнение Вашингтона, и подтолкнул их на проведение более самостоятельного курса» [Петров, 1973, с. 257].

В феврале 1972 г. Япония пошла на дипломатическое признание Монгольской Народной Республики. В сентябре 1972 г. были установлены дипломатические отношения с КНР, в мае 1973 г. – с Германской Демократической Республикой. При первых же признаках изменения политики администрации Никсона в отношении Вьетнама японский МИД приступил к изучению возможностей расширения контактов с Северным Вьетнамом, и уже в сентябре 1973 г. с ним были установлены дипломатические отношения. Японскому МИДу было поручено проработать возможности налаживания контактов с

КНДР. Изменилась и политика Японии в отношении СССР. В октябре 1973 г. К. Танака посетил Москву, где встретился с Л. И. Брежневым и обсудил с ним проекты совместной разработки природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Это способствовало определенной стабилизации японо-советских отношений.

После нормализации отношений с Пекином Япония существенно активизировала свою дипломатию в Юго-Восточной Азии (ЮВА). В январе 1974 г. премьер-министр К. Танака совершил поездку по этому региону. Однако массовые антияпонские демонстрации в Бангкоке и Джакарте продемонстрировали японскому лидеру, что Япония пока не стала в регионе желанным гостем. Следствием критического переосмысления Токио своей внешней политики стала «доктрина Фукуда». Совершая в 1977 г. поездку по странам ЮВА, японский премьер-министр Т. Фукуда заявил, что Япония никогда больше не станет военной державой и что страна стремится к взаимному доверию и пониманию со странами АСЕАН. Фукуда пообещал оказывать финансовую помощь этим государствам и содействовать развитию их сотрудничества со странами Индокитая. «Доктрина Фукуда» позволила Японии улучшить свой имидж в регионе, что, в свою очередь, способствовало активному проникновению туда японского капитала.

На Ближнем Востоке, несмотря на договоренность координировать усилия по обеспечению стабильных поставок электроэнергии, отраженную в совместной декларации Танаки и Никсона, позиции США и Японии стали расходиться после «нефтяного шока» 1973 г., вызванного арабо-израильской войной. В противоположность американской позиции Токио выразил сожаление в связи с продолжавшейся оккупацией Израилем арабских территорий и выступил за вывод израильских войск из районов, оккупированных в 1967 г., и за признание законных прав палестинского народа. Новый курс Японии, несомненно, шокировал американское правительство. 15 ноября, еще до провозглашения Токио своего нового курса, Г. Киссинджер заявил о том, что любые поспешные шаги Японии будут серьезно препятствовать ее отношениям с Соединенными Штатами [Kesavan, 1974, p. 684]. Несмотря на резкую реакцию со стороны Вашингтона, Токио и в дальнейшем демонстрировал самостоятельность в своей политике на Ближнем Востоке.

Таким образом, трансформация японской внешней политики вследствие «шоков Никсона» имела не только региональное, но и глобальное измерение. Ее немедленным следствием стал курс на нормализацию отношений с Пекином, в проведении которого Токио пошел на более радикальные шаги по сравнению с теми, которые предпринял Вашингтон на китайском направлении. Япония получила больше пространства для маневра в отношениях с ключевыми внешнеполитическими партнерами и стала активнее прибегать к политике балансирования между США, Китаем и СССР, все меньше оглядываясь на своего заокеанского союзника. Положение Японии больше не ограничивалось ролью объекта в глобальном противостоянии сверхдержав. Страна стала обретать статус активного субъекта мировой политики, способного играть на противоречиях мировых держав в той степени, в какой это соответствовало ее собственным национальным интересам [Maki, 1973, p. 296]. Вместе с тем это не поколебало основы японской внешней политики: военно-политический союз с США сохранил свое значение в качестве ее краеугольного камня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алиев Р. Ш. *Внешняя политика Японии в 70-х – начале 80-х годов (теория и практика)*. М.: Наука, 1986. [Aliev R. Sh. *Japan's Foreign Policy in 1970s – early 1980s (theory and practice)*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].
- Асахи симбун. 17.07.1971 [Asahi Shimbun. July 17, 1971 (in Japanese)].

- Вербицкий С. И. *Японо-американский военно-политический союз*. М.: Наука, 1972. [Verbitskiy S. I. *The Japan-US military and political alliance*. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].
- Гриванов Р. И. Роль США в формировании внешней политики Японии. *Россия и АТР*. 2011. № 2. С. 187–193. [Grivanov, R. I. The Role of the US in Shaping Japan's Foreign Policy. *Rossiia i ATR*. 2011. № 2. Pp. 187–193 (in Russian)].
- Кунадзе Г. Ф. *Японо-китайские отношения на современном этапе. 1972–1982*. М.: Наука, 1983. [Kunadze G. F. *Japanese-Chinese Relations at the Present Stage. 1972–1982*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].
- Лешке В. Г. *Японо-американский союз. Итоги трех десятилетий*. М.: Наука, 1983. [Leshke, V. G. *Japan-US Alliance. The results of three decades*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].
- Мазуров В. М. *США–Китай–Япония: перестройка межгосударственных отношений, 1969–1979*. М.: Наука, 1980. [Mazurov V. M. *U.S.-China-Japan: the Restructuring of International Relations, 1969–1979*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].
- Марков А. П. *Послевоенная политика Японии в Азии и Китае, 1945–1977*. М.: Наука, 1979. [Markov A. P. *Japan's Post-war Policy in Asia and China, 1945–1977*. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].
- Петров Д. В. *Япония в мировой политике*. М.: Международные отношения, 1973. [Petrov D. V. *Japan in world politics*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973 (in Russian)].
- Уткин А. И. *США – Япония: вчера, сегодня, завтра*. М.: Наука, 1990. [Utkin A. I. *The US – Japan: Yesterday, Today, Tomorrow*. Moscow: Nauka, 1990 (in Russian)].
- Cheng Joseph Yu-shek. *China's Japan Policy: Adjusting to New Challenges*. Hong Kong: World Scientific Publishing Co., 2015.
- Hoey F. *Satō, America and the Cold War: US-Japanese Relations, 1964–72*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2015.
- Hoey F. The Nixon Doctrine and Nakasone Yasuhiro's Unsuccessful Challenge to Japan's Defense Policy, 1969–1971. *Journal of American-East Asian Relations*. 2012. Vol. 19. No. 1. Pp. 52–74.
- Johnson C. The Patterns of Japanese Relations with China, 1952–1982. *Pacific Affairs*. 1986. Vol. 59. No. 3. Pp. 402–428.
- Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China*, September 29, 1972. Ministry of Foreign Affairs of Japan. September 21, 2017. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html> (accessed 18.02.2018).
- Kesavan K. Japan's Response to the Swing in US-Soviet Relations. *International Studies*. 1974. Vol. 13, no. 4. Pp. 677–687.
- Maga T. 'Golf ball diplomacy': Richard Nixon and Japan, 1969–74. *Diplomacy & Statecraft*. 1998. Vol. 9, no. 1. Pp. 182–207.
- Maki J. Japan and World Politics in the 1970s. *Pacific Affairs*. 1973. Vol. 46. no. 2. Pp. 289–297.
- Nakanishi H. Overcoming the crises: Japanese diplomacy in the 1970s. In: *The Diplomatic History of Postwar Japan*. Ed. by M. Iokibe. N. Y.: Routledge, 2011. Pp. 108–142.
- Osamu M. The Nixon doctrine in Asia. *The Adelphi Papers*. 1972. Vol. 91, no. 12. Pp. 13–20.
- Puthenveetil J. Strategic Options Behind Sino-Japanese Trade Relations. *International Studies*. 1979. Vol. 18, no. 4. Pp. 537–561.
- The 'Nixon shock'. *The Adelphi Papers*. 1973. Vol. 95, no. 13. Pp. 1–4.
- The History of US-Japan Relations. From Perry to the Present*. Ed. by M. Iokibe. English translation ed. by T. Minohara. Singapore: Palgrave Macmillan, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТРЕЛЬЦОВ Дмитрий Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений, Москва, Россия.

Dmitry V. STRELTISOV – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, head of department of Afro-Asian Studies, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.